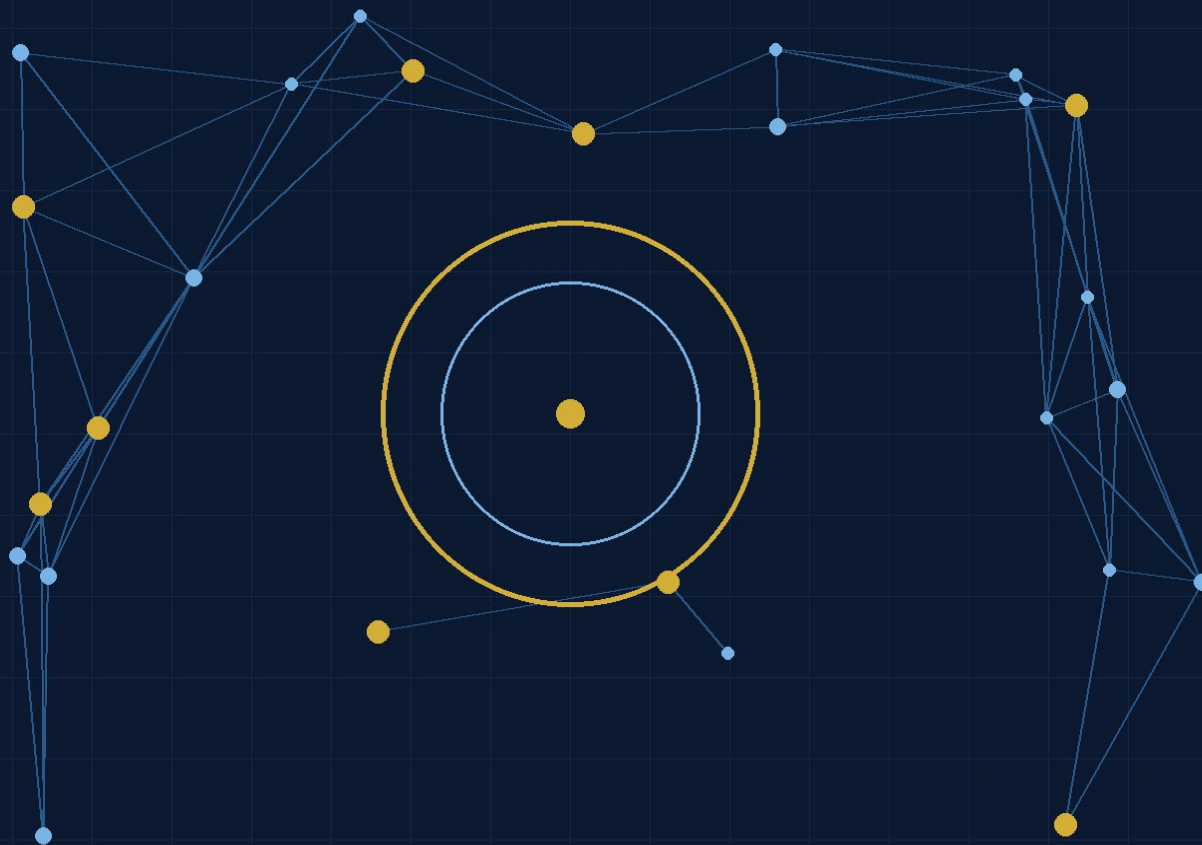

COBALT GROUP

ОТ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА К СЕТЕВОМУ ГОСУДАРСТВУ

Как меняется суверенитет в эпоху
платформ, потоков и гибридных угроз

Аналитическая статья • Осень 2026

Осень 2026 года. Прошло несколько месяцев после пленарного заседания XXIX Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ), состоявшегося 5 июня 2026 года. В выступлении Владимира Путина были затронуты такие темы, как структурная трансформация мировой экономики, технологический суверенитет, развитие искусственного интеллекта и автономных систем, цифровые платформы, изменение международных расчётов и формирование новых логистических маршрутов.

Если рассматривать эти тезисы не изолированно, а в более широком теоретическом контексте, становятся видны неочевидные взаимосвязи между цифровой платформизацией, государственным суверенитетом и новой архитектурой международной конкуренции.

Тезисы можно сопоставить с концепцией сетевого общества Мануэля Кастельса, с проектом «сетевой экономики», предложенным А.В. Щербаковым, А.В. Олескиным и В.Ю. Румянцевым в 2020 году, а также с анализом разведывательных и гибридных сетей в учебном пособии Р.В. Ромачева «Разведывательные сети», вышедшем в 2026 году.

Такое сопоставление позволяет сформулировать гипотезу: **сетевые структуры перестают быть альтернативой государственным иерархиям, а становятся одним из инструментов сохранения и усиления государственного суверенитета.**

Государство всё активнее стремится контролировать критические технологические, финансовые, логистические и информационные контуры – сети, от которых зависит его способность действовать самостоятельно.

Ниже – попытка рассмотреть этот процесс в трёх измерениях.

I. Геополитика: государство как «программист» сетей

Одной из наиболее продуктивных оптик для анализа происходящего остаётся теория сетевого общества Мануэля Кастельса.

В его концепции власть в информационную эпоху связана не только с контролем над территорией и институтами, но и с возможностью **программировать сети и обеспечивать взаимодействие между ними.** Кастельс использует для этого понятия *programmers* и *switchers*: первые

формируют программы и цели сетей, которые обеспечивают соединение различных сетевых контуров.

Кастельс описал кризис традиционного национального государства, сохранение его значимости и появление форм « сетевого государства », в которых государственные институты взаимодействуют на разных уровнях – национальном, региональном и наднациональном.

Именно здесь современная российская повестка представляет особый интерес.

Борьба за способность программировать технологические контуры

На ПМЭФ-2026 Владимир Путин сформулировал технологический вопрос предельно чётко: крупные государства должны создавать собственные « платформенные и технологические контуры », иначе возникает риск превращения в « цифровую периферию ». В числе ключевых направлений были названы искусственный интеллект, автономные системы и цифровые платформы.

Если использовать терминологию Кастельса, этот тезис можно интерпретировать как борьбу за способность **не только подключаться к чужим сетям, но и определять правила функционирования собственных.**

В таком прочтении технологический суверенитет – это уже не просто наличие предприятий, серверов или программного обеспечения. Это способность самостоятельно определять архитектуру критических цифровых систем, стандарты взаимодействия, правила доступа к данным и условия функционирования платформ.

Показателен пример Wildberries, который Путин привёл в контексте расширения доступа узбекских производителей к российскому рынку и другим направлениям. Сам по себе этот пример не свидетельствует о возникновении полноценной альтернативы глобальным платформам, но демонстрирует, как коммерческая цифровая инфраструктура становится инструментом трансграничной интеграции.

«Страны-коннекторы» и новая роль промежуточных узлов

Другой важный тезис ПМЭФ – появление особой роли « стран-коннекторов », способных связывать рынки, технологии, финансовые потоки и деловые культуры. В пленарной дискуссии участвовали,

в частности, лидеры Узбекистана и Танзании, а сама роль государств Глобального Юга рассматривалась в контексте формирующейся многополярной экономической архитектуры.

Эту тенденцию можно сопоставить с кастельсовским понятием *switchers*. Однако это не буквальное совпадение: у Кастельса «переключатели» — это акторы, обеспечивающие взаимодействие различных сетей; в современной международной политике аналогичную функцию всё чаще получают государства и экономические центры, контролирующие критические точки соединения между несколькими системами.

В результате значение приобретают не только крупнейшие центры силы, но и узлы, через которые проходят торговые, транспортные, финансовые и технологические потоки.

«Пространство потоков» и «пространство мест»

Ещё одна категория Кастельса особенно актуальна для нынешней ситуации — **«пространство потоков»**. В сетевом обществе важнейшие экономические и информационные процессы всё меньше зависят от непосредственной территориальной близости и всё больше — от включённости в транснациональные сети.

Развитие новых транспортных маршрутов, включая коридор «Север — Юг» и Трансарктический маршрут, можно рассматривать как попытку сформировать альтернативные конфигурации движения товаров и ресурсов. Параллельно Россия стремится развивать внутренние регионы: на ПМЭФ обсуждался перенос части крупных компаний из Москвы в регионы как инструмент пространственного развития.

Возникает двойная задача: **контролировать внешние потоки и одновременно укреплять внутреннее пространство мест.**

Именно в этом, возможно, состоит одно из ключевых отличий нынешнего этапа от классической глобализации 1990-х и 2000-х годов. Государство уже не обязательно стремится минимизировать значение границ. Напротив, оно стремится сделать границы и национальную инфраструктуру частью управляемой сетевой архитектуры.

II. Экономика: от проекта «сетевого социализма» к платформенному государственному капитализму

Если Кастельс позволяет рассматривать происходящее с точки зрения структуры власти и потоков, то книга А.В. Щербакова, А.В. Олескина и В.Ю. Румянцева «Сетевая экономика» даёт другую перспективу – экономическую.

Книга, опубликованная в 2020 году, предлагает масштабную модель переустройства экономической системы. Авторы определяют сетевую экономику как модель сетевого общества и одновременно как переходную форму от глобального капитализма к «сетевому социализму».

Некоторые тенденции, которые авторы рассматривали в качестве будущих, действительно получили развитие. Но институциональная траектория оказалась значительно менее радикальной, чем предполагалось в книге.

Платформы как новая инфраструктура

Одна из наиболее заметных точек пересечения – рост значения цифровых платформ.

Платформа сегодня – это уже не просто торговый сайт. Она может объединять продавца, покупателя, логистику, рекламу, платежи, кредитование, аналитику и доступ к данным.

В этом смысле платформа становится инфраструктурным узлом экономики.

Показательно, что именно цифровые платформы Путин назвал одним из трёх ключевых технологических направлений будущего наряду с искусственным интеллектом и автономными системами.

Но здесь важно провести различие между платформенной экономикой и проектом «сетевого социализма».

Где прогнозы 2020 года оказались близки к реальности

Авторы «Сетевой экономики» исходили из того, что сетевые формы способны существенно снизить транзакционные издержки, облегчить кооперацию и изменить роль посредников.

Эта часть логики действительно получила развитие.

Цифровые платформы позволяют объединять большое число экономических субъектов в единой информационной среде, а малый бизнес получает доступ к инфраструктуре, которую самостоятельно создать практически невозможно. Но из этого вовсе не следует исчезновение капитализма. Напротив, наиболее заметной тенденцией последних лет стало **соединение платформизации с концентрацией капитала**.

Крупная платформа способна одновременно предоставлять инфраструктуру тысячам малых предприятий и усиливать собственный рыночный контроль. Поэтому платформа не обязательно разрушает иерархию – она может создавать новую форму иерархии внутри сети.

Где прогноз и практика расходятся

Здесь обнаруживается принципиальное различие между проектом «Сетевой экономики» и нынешней экономической политикой России.

Авторы книги предлагали гораздо более глубокую трансформацию капиталистической системы: отказ от ссудного процента, существенное изменение роли прибыли, ограничение биржевых механизмов, развитие государственного планирования и переход к модели «сетевого социализма».

ПМЭФ-2026, напротив, демонстрирует иной подход.

Государство использует цифровизацию и платформизацию прежде всего как инструменты повышения эффективности, технологической независимости

и конкурентоспособности. При этом рыночные механизмы, частное предпринимательство, прибыль и конкуренция не отвергаются.

Это позволяет говорить скорее о **платформенном государственном капитализме**, чем о переходе к посткапиталистической экономике. Иными словами, традиционная рыночная архитектура не вытесняется, а **перестраивается на сетевых принципах**.

Для авторов «Сетевой экономики» сеть должна стать основой преодоления капитализма. В современной российской практике сеть, напротив, используется для повышения устойчивости и эффективности существующей экономической системы.

III. Безопасность: от централизованной иерархии к распределённым сетям

Третье измерение – безопасность.

Здесь полезна работа Р.В. Ромачева «Разведывательные сети», опубликованная в 2026 году как учебное пособие по тематике информационных и гибридных войн.

Если первые два источника позволяют анализировать архитектуру экономики и государства, то Ромачев обращается к структуре разведывательных сетей, информационного воздействия и гибридных конфликтов.

Тем самым безопасность также может рассматриваться в логике сетевого общества, где ключевые процессы разворачиваются в сетевых, а не только институциональных формах.

Распределённость как преимущество

В традиционной иерархической системе эффективность во многом зависит от устойчивости командного центра. Сетевая структура устроена иначе: отдельные элементы способны взаимодействовать напрямую, обмениваться информацией и частично сохранять автономность.

Именно поэтому распространение автономных систем, искусственного интеллекта и распределённых сенсорных и коммуникационных систем меняет требования к безопасности.

Здесь важно избежать чрезмерного упрощения. Нельзя свести современную военную архитектуру к простому противопоставлению «иерархическая система против роя». На практике эффективные системы обороны сами используют сетевое взаимодействие, распределённое обнаружение, обмен данными и различные уровни централизации.

Однако общая тенденция прослеживается достаточно отчётливо: **скорость обмена информацией и способность объединять разнородные элементы системы становятся самостоятельным фактором безопасности.**

В этом контексте тезисы ПМЭФ об автономных системах, искусственном интеллекте и технологической независимости приобретают значение далеко за пределами гражданской экономики.

OSINT и информационное пространство

Ещё один важный аспект – изменение характера разведывательной деятельности.

Открытые источники, цифровые следы, социальные сети и распределённые информационные сообщества позволяют собирать и сопоставлять большие объёмы информации без доступа к традиционным закрытым каналам.

Это означает, что информационная среда одновременно становится:

- источником данных;
- инструментом анализа;
- каналом воздействия;
- пространством конкуренции.

В результате безопасность государства зависит не только от защищённости закрытых систем, но и от способности общества и институтов функционировать в открытом информационном пространстве.

Возникает связь с тезисом, прозвучавшим на ПМЭФ в контексте внутренней устойчивости общества и реакции Ирана на внешнее давление. Сопоставляя его с анализом информационных и гибридных воздействий, можно предположить, что **общественная сплочённость становится одним из элементов национальной устойчивости наряду с технологиями и инфраструктурой.**

Суверенитет требует собственной технологической базы

В сетевой системе недостаточно иметь доступ к технологиям – необходимо иметь возможность поддерживать критические элементы инфраструктуры самостоятельно.

Отсюда возникает более широкое понимание технологического суверенитета.

Он включает не только производство конечного оборудования, но и:

- программное обеспечение;
- вычислительную инфраструктуру;
- системы связи;

- средства обработки данных;
- компоненты и элементную базу;
- инженерные компетенции;
- научные школы;
- подготовку кадров.

В таком прочтении технологический суверенитет становится не отраслевой задачей, а **условием стратегической автономии государства.**

IV. Что меняется на самом деле: сеть перестаёт быть альтернативой государству

Сопоставление трёх источников позволяет увидеть новую конфигурацию отношений между государством и сетями.

В классической интерпретации глобализации сеть часто рассматривалась как структура, которая постепенно ограничивает возможности государства. Кастельс показывал, как глобальные потоки капитала, информации и технологий размывают прежнюю автономию национальных институтов. Одновременно он анализировал возникновение новых форм сетевого государства.

Сегодня происходит нечто более сложное: государства формируют правила, инфраструктуру и институты, в рамках которых развиваются сетевые структуры.

Они:

- строят собственные цифровые платформы;
- создают национальные платёжные и финансовые контуры;
- формируют транспортные коридоры;
- защищают критическую инфраструктуру;
- развивают собственные технологические цепочки;
- инвестируют в искусственный интеллект и автономные системы;
- пытаются контролировать данные и информационные потоки.

Таким образом, сеть становится **не альтернативой государству, а одним из инструментов его усиления.**

Это особенно заметно в условиях геополитической фрагментации.

Если глобализация первого десятилетия XXI века предполагала расширение взаимозависимости, то нынешняя модель всё больше напоминает **конкуренцию взаимосвязанных, но частично автономных сетевых контуров.**

V. От глобальной сети к конкуренции сетей

В рассматриваемом контексте меняется и сама природа международной конкуренции.

Речь уже идёт не только о соперничестве государств.

Конкурируют:

- технологические стандарты;
- цифровые платформы;
- платёжные системы;
- логистические маршруты;
- энергетические цепочки;
- информационные экосистемы;
- производственные кластеры;
- научные и инженерные школы.

Государство, которое контролирует лишь территорию, но зависит от внешних технологий, финансовой инфраструктуры и коммуникационных платформ, обладает меньшей степенью стратегической автономии, чем государство, способное поддерживать ключевые сетевые контуры самостоятельно. Поэтому суверенитет XXI века всё меньше можно измерять исключительно количеством территории, размером ВВП или военным потенциалом. Не менее важным становится вопрос: **какие сети государство способно создавать, программировать, защищать и при необходимости переключать на альтернативные маршруты?**

VI. Россия и проблема «сетевого суверенитета»

Выступление на ПМЭФ-2026 приобретает более широкий смысл.

Российская стратегия, если рассматривать её через предложенную нами аналитическую модель, не предполагает отказа от глобальной взаимосвязанности. Напротив, задача состоит в том, чтобы **участвовать в глобальных сетях, не допуская критической зависимости от какого-либо одного внешнего центра.**

Отсюда — развитие новых торговых маршрутов, расширение расчётов в национальных валютах, усиление технологического суверенитета, развитие собственных цифровых платформ и ставка на взаимодействие с государствами Глобального Юга. На ПМЭФ эта логика была сформулирована через понятия многополярности, технологической самостоятельности и «стран-коннекторов».

При этом сетевая автономия не предполагает полной экономической изоляции. Современная экономика слишком сложна, чтобы существовать в полностью замкнутом национальном контуре. Поэтому наиболее реалистичная цель — не изоляция, а **диверсификация зависимостей**.

Иными словами, задача состоит не в выходе из сетей, а в сохранении возможности выбирать, какие сети строить, к каким подключаться, на каких условиях и через какие узлы.

Заключение: кто программирует сети

Синтез Кастельса, авторов «Сетевой экономики» и Ромачева позволяет увидеть происходящие изменения в единой перспективе.

Кастельс показывает, что власть в информационную эпоху всё в большей степени связана с программированием и соединением сетей.

Щербаков, Олескин и Румянцев показывают, насколько глубоко сетевые принципы способны изменить экономическую организацию — хотя предложенная ими нормативная модель «сетевого социализма» существенно отличается от реально складывающейся платформенной экономики.

Ромачев переносит сетевую логику на сферу разведки и гибридных конфликтов, где распределённость, информационный обмен и способность действовать через множество взаимосвязанных элементов становятся важными характеристиками современной безопасности.

ПМЭФ-2026 позволяет увидеть все три аспекта — геополитический, экономический и оборонный — в единой перспективе.

Российская стратегия не предполагает выхода из сетевой логики современного мира. Напротив, она стремится использовать её для решения задачи, которая в традиционных категориях называется **суверенитетом**.

В этом заключается ключевая особенность новой эпохи. Чтобы сохранить автономию, государству уже недостаточно контролировать территорию. Оно должно контролировать критические связи между узлами – технологическими, финансовыми, логистическими, информационными и социальными.

Поэтому главный вопрос XXI века может звучать уже не как:

«Кто контролирует территорию?»

а как:

«Кто способен программировать сети, соединять их между собой и сохранять возможность переключения на альтернативные контуры?»

Следовательно мир действительно движется от конкуренции отдельных государств к конкуренции **сетей, которые государства создают, контролируют и защищают.**

И если эта тенденция продолжится, вероятным направлением развития суверенитета станет не отказ от сетевого общества, а формирование **сетевого государства – государства, способного превращать собственную включённость в глобальные потоки из источника зависимости в инструмент стратегической автономии.**

Источники

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И.Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
2. Путин В.В. Выступление на пленарном заседании XXIX Петербургского международного экономического форума. 5 июня 2026 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/79956>. [Дата обращения: 17.09.2026].
3. Ромачев Р. В. Разведывательные сети. М.: Горячая линия – Телеком, 2026.
4. Щербаков А.В., Олескин А.В., Румянцев В.Ю. Сетевая экономика. М.: Грифон, 2020.